

же вполне миролюбивы, даже видя отдельные недостатки МДТ и его лидера, все равно отдают предпочтение Додину и додинцам — «не отрекаются любя».

Год назад питерская критика назвала лучшим спектаклем «Бесов». В 93-м лишь некая (быть может, и спланированная кем-то) случайность изъясла «Разбитый кувшин», поставленный Львом Додиным и Вениамином Фильштинским, из списка претендентов, что удивило и огорчило многих поклонников этой талантливой работы. Можно также почитать статьи о «Двух любвях под вязами» (в БДТ и МДТ): сравнивая спектакли, критики предпочитают все же додинскую версию. Короче, неприятие нынешнего Додина некоторыми критиками вряд ли стоит возвеличивать до глобального конфликта противостояния режиссера и критического цеха.

У нашего цеха вообще нет ни одной общей для всех священной коровы, как нет и ни одного общего «мальчика для битья». У каждого свои фавориты, свои раздражители.

В этой разногласии, конечно, звучат упреки: мол, Додин большую часть сезона проводит за границей. Контракт следует за контрактом, актеры измучены, зритель сиротствует. В этом году Додин дает для подобных суждений как никогда много оснований. Но если послушать еще и «невыездных» его коллег, то прояснится контекст.

Александр Петров — руководитель детского музыкального театра «Зазеркалье», считает, что его театр живет словно в эмиграции: десять лет без крыши над головой, питаюсь лишь обещаниями сменяющих друг друга начальников от культуры, на скудную дотацию умудряясь выпускать превосходные спектакли, платя артистам оскорбительно низкую зарплату. Где гарантия, что «Зазеркалье» не уедет за кордон при первой возможности, в полном составе и насовсем?

Семен Спивак, глава Молодежного театра на Фонтанке, сетует на то, что ежедневно ему приходится чуть не по-

Апология Додина

ловину репетиционного времени тратить на «реанимацию» душевного равновесия артистов. Требуется масса усилий, чтобы вытеснить из их сознания заботы о хлебе насущном, о побочных заработках, стереть агрессивное воздействие окружающей среды, погрузить в творческую атмосферу.

Конечно, речь идет о театрах серьезных, требующих от актера большой духовной работы, высокой сосредоточенности. Театрах, сочиняющих, выращивающих спектакли, а не пекущих их, как блины. Известно, что утром пахать, а вечером писать стихи толком не удавалось никому. Приходится выбирать что-то одно. Додин выбрал стихи. За это тоже приходится расплачиваться: «Не продается вдохновенье». Он продает «рукопись», условно говоря тем, кто может грамотно и красиво ее «издать».

В этом сезоне таких «издателей» нашлось два. И оба — солидные.

Первый проект уже в стадии осуществления. Он называется «Русские сезоны в Париже» и не сводится только к гастролям. 18 января в театральном Центре Бобини состоялась первая из запланированных премьер — додинские студенты и самые молодые артисты театра сыграли спектакль «Клаустрофобия». Петербургское радио к нашему ужасу перевело название, как «Страсть к воровству». Надо ли говорить, что название это прямо-таки программно для додинцев? Это и объяснение их образа жизни, и вызов тем, кто упрекает непосед, действительно испытывающих страх перед замкнутым пространством. Конечно, ученики Додина уже даже не представляют себе той жизни, которую вели мы «дети подземелья». Для нас вновь очутиться за железным занавесом — драма, для них катастрофа: «аски сужающееся пространство — трагично».

В программе «Русских сезонов» еще две премьеры: Роберто Зукко в постановке художественного руководителя парижского театра Одеон Луиса Паскаля и «Вишневый сад», который ставит Додин. Парижане увидят еще и спектакли текущего репертуара, а значит театр уедет в полном составе, чтобы в апреле

пересечь Ламанш и принять участие в еще одном грандиозном проекте. Англичане задумали показать своей публике, что такое настоящий репертуарный театр. Явление, Западу почти незнакомое, да и у нас потихоньку по мере отказа государства заботиться об этом национальным достоянием, вымирающее.

Для Додина репертуарный театр, театр-дом, единственно возможная модель. Но чтобы сохранить ее, он должен вести хозяйство по-новому, не прося милости у государства. (Да и что оно может дать, кроме академического звания, да несколько взаимоисключающих указов Президента!) Но как жить областному (а спектакли в Ленинградской области идут) академическому театру мирового класса с большой труппой, солидным репертуаром в избушке на курьих ножках?

Елена АЛЕКСЕЕВА.

По вине корректоров и дежурного редактора этого номера на 7-й странице при переверстке разворота «Впечатления» из материала Елены Алексеевой выпали два последних абзаца. Мы просим великодушных по отношению к нашей оплошности читателей соединить два текста — на 7-й и 2-й страницах.

Апология Додина

Где хранить декорации? Где репетировать? Когда монтировать вечерние спектакли? Эти вопросы неизбежно встают перед театром, который перерос свое наименование Малого.

Современный питерский театр губит рутина. Необходимость изо дня в день, невзирая на отсутствие творческих импульсов и публики в зале, играть спектакли. Быть мелочными лавочками, а притворяться храмами искусства. Малый драматический и домой приезжает, как в Париж, а не Тмутараканск. Приезжает, чтобы устроить зрителям праздник. Вас это не устраивает? Идите в «средний» театр, благо выбор велик. Идите — и умрите там. От скуки.

Елена АЛЕКСЕЕВА.

НА ЧЕМОДАНАХ

ХОТЕЛОСЬ бы развеять легенду, согласно которой питербургская критика якобы ненавидит Льва Додина. Даже если «критика» — это нечто вроде многоголовой гидры, то из полусотни голов лишь пять-шесть шипят в сторону руководителя Малого драматического. Прочие

Экран и сцена — 1994. — 14-24 марта. — (7-8) — с. 7